

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В КОНЦЕ 1830-Х ГГ.

На основе документов РГИА изучаются вопросы кадровой политики в высших и средних учебных заведениях Юго-Западного края Российской Империи в конце 1830-х гг. История назначений и увольнений преподавателей и администраторов позволяет выявить особенности использования системы просвещения как одного из инструментов имперской политики в данном регионе.

Ключевые слова:

благонадѐжность, кадровая политика, Министерство народного просвещения, Юго-Западный край, преподаватели.

Благонадѐжность преподавателей и чиновников Министерства народного просвещения была особенно важной для властей в Киевском учебном округе, охватывавшем территории, проблемные с политической точки зрения, особенно после польского восстания 1830–1831 гг. В законах об учреждении Киевского учебного округа, а также университета Св. Владимира не содержались требования отстранения польских преподавателей, однако в скором времени это стало важным направлением политики в сфере народного просвещения в этом крае. Ситуация обострилась после того, как на территории Правобережной Украины была раскрыта деятельность «Союза польского народа», за участие в котором из университета исключили 34 студента. Это вызвало подозрения относительно благонадѐжности служащих Киевского учебного округа. Университет 9 января 1839 г. был закрыт на год по указу императора, однако затем этот срок был сокращѐн, и 26 апреля 1839 г. Николай I издал указ, разрешивший возобновить чтение лекций с 1 сентября 1839 г. Естественно, что в такой ситуации благонадѐжность преподавателей приобрела особую актуальность.

Этой проблеме было уделено значительное внимание в совместном докладе С.С. Уварова и Д.Г. Бибикова, который император утвердил 23 апреля 1839 г. В нём, в частности, предлагалось постепенно завершить процесс замены польских профессоров русскими преподавателями, начатый на основании всеподданнейшего доклада министра народного просвещения, утверждѐнного 19 ноября 1837 г. Николай I напротив этого пункта написал: «Исполнить ныне же, переведя тамошних уроженцев в другие места, а на их места переместить русских» [1, стб. 1492]. В докладе говорилось, что преподаватели польского происхождения, работавшие в

Кременецком лицее, не должны заниматься «ни под каким видом воспитанием и учением юношества и не держать у себя чужих детей под каким бы то ни было предлогом» [1, стб. 1500]. Император приказал строго следить за этим. Все чиновники «из уроженцев того края или из поляков, могущие иметь влияние на нравственность и образ мыслей учащихся», теперь могли назначаться на должности руководством учебного округа только после согласования с генерал-губернатором [1, стб. 1502]. Это же относилось к русским служащим, женатым на поляках. Власть демонстрировала недоверие не только к польским, но и вообще ко всем чиновникам, происходившим из Юго-западного края. В ходе подготовки доклада возник вопрос о том, как идентифицировать неблагонадѐжных преподавателей. Д.Г. Бибиков в «Докладной записке» отмечал, что причиной недавних политических беспорядков в университете было «допущение в университет польских профессоров и развитие между студентами польского духа» [2, л. 2]. Генерал-губернатор видел корень зла во всех вообще польских профессорах. В совместном докладе предложения были ближе к реальности. В нём отмечается, что если считать поляками всех уроженцев западных губерний, то «мгновенное удаление их из целого Киевского округа представляет временную невозможность» так как нельзя сразу перевести в Киев много преподавателей из Великороссии [2, л. 7]. По мнению С.С. Уварова, нужно было «постепенно довершить эту меру замены в университете Св. Владимира, а также стараться всеми мерами, чтобы директоры, инспекторы, штатные смотрители и надзиратели из уроженцев Западных губерний, и в особенности, находившиеся прежде в Кременецком лицее, были постепенно заменены русскими чиновниками» [2, л. 20].

44 Однако Д.Г. Бибииков отмечал, что «только решительное восприятие всем бывшим в Кременецком лицее лицам заниматься воспитанием юношества... есть одно из главнейших средств уничтожения в крае польского революционного элемента и охранение грядущего поколения от нравственной заразы настоящего» [2, л. 17 об.]. Министр, в отличие от руководителя края, не видел «достаточного основания к решительному запрещению давать частные уроки в домах всем бывшим профессорам и учителям из уроженцев Западных губерний, которые приобрели на это законное право» [2, л. 22 об.]. С.С. Уваров смотрел на вещи более реалистично и пытался по возможности учитывать интересы просвещения. Возобладала более умеренная позиция С.С. Уварова, что отразилось в окончательном варианте доклада, в котором запрещение «под каким бы то ни было видом заниматься воспитанием юношества» относилось только к преподавателям польского происхождения из Кременецкого лицея. [1, стб. 1501]. Впрочем, утверждено было и предложение, по которому все чиновники учебных заведений «из уроженцев того края или из поляков, могущие иметь влияние на нравственность и образ мыслей учащихся», должны были назначаться на место руководством учебного округа только после согласования с генерал-губернатором, как и русские служащие, женатые на польках [1, стб. 1502]. В окончательном варианте доклада нашла отражение неопределённость представления о потенциально неблагонадёжных чиновниках, а также были закреплены широкие полномочия генерал-губернатора по управлению учебным округом.

В 1839 г. из университета было уволено девять профессоров и чиновников из местных уроженцев-католиков, в частности, «перемещены по распоряжению начальства» ординарные профессора римского права И.Н. Данилович и римской словесности М.Ю. Якубовский – в Московский университет, учитель рисования Клембовский – в Харьковский, адъюнкт зоологии А.А. Андриеевский и эконом института казённокоштных студентов Завадский – в Нежинский лицей князя Безбородко; был уволен со службы профессор архитектуры Ф.И. Мехович [6, л. 9 об. – 10]. Профессором римского права стал А.А. Чеховский, уроженец Екатеринославской губернии, выходец из духовного сословия, православный; экстраординарным профессором греческой и римской словесности – уроженец Курляндской губернии евангелического исповедания А.К. Деллен; адъюнктом

зоологии – А.Ф. Миддендорф, уроженец Лифляндской губернии, лютеранин; учителем рисования – выходец из той же губернии К.С. Павлов; экономом стал И.Я. Швабич, уроженец Киевской губернии, выходец из духовенства. Были уволены некоторые служащие учебных заведений Киевского округа, в частности, директор училищ Киевской губернии И. Милашевич, директор училищ Волынской губернии О. Бокщанин и учитель Винницкой гимназии Ф. Жирардот. Последние два случая особенно примечательны.

Первое дело возникло по представлению попечителя Киевского учебного округа 26 июля 1839 г. Он обратил особенное внимание на Житомирскую гимназию, осмотр которой «визиторами» вызвал нарекания учебных властей. Попечитель сообщал, что в гимназиях и училищах Волынской губернии замечен ряд «неустройств», в частности, «скрытность и глухое выражение строптивости [учеников], с трудом преодолеваемые местным начальством» [4, л. 1 об.]. Такое поведение внушало начальству подозрения. Не удовлетворило то, что ученики Житомирской гимназии почти повсеместно использовали в общении польский язык. Впрочем, из 19 тысяч жителей города только 4 тысячи были русскими. Отрицательное отношение вызывало расселение учеников по всему городу, в результате чего они попадают под воздействие неблагонадёжных людей, от которых «частью заимствуют ложный образ мыслей и безнравственные книги» [4, л. 2]. Попечитель отмечал также особое влияние на учащихся католического духовенства, которое, по его мнению, благодаря торжественности мессы, получало преимущества перед православными священниками. Вероятно, руководители округа пытались несколько упростить проблему и не желали признавать, что «строптивость» учащихся имела более глубокие корни. Устранение всех этих неудобств, по мнению С.И. Давыдова, могло бы произойти с заменой О. Бокщанина директором училищ Черниговской губернии Фишером. Их предлагали поменять местами. С.С. Уваров счёл такое предложение неудобным, предложив или разрешить О. Бокщанину дослужить на своём посту год до пенсии, или сразу же уволить его на пенсию. Сам попечитель отмечал преданность О. Бокщанина престолу, его отличную 24-летнюю службу. Из формулярного списка О. Бокщанина видно, что его служба получала постоянное одобрение начальства. В мае 1835 г. «за отличное состояние нравственной части и отличное состояние учебной части в Житомирской гимназии» ему была объявлена благодарность от университета

Св. Владимира, а в июле 1835 г. «за найденное устройство и порядок в Житомирской гимназии» – от попечителя округа [4, л. 18]. В мае 1836 г. «за найденное устройство и порядок в дирекции училищ Волынской губернии» ему была объявлена благодарность от попечителя [4, л. 18 об.] В 1837 г. он был награжден знаком отличия за 20 лет беспорочной службы. Теперь же, после раскрытия деятельности эмиссара С. Конарского, Е.Ф. Брадке пришёл к выводу, что «происхождение его из туземцев края было, весьма естественно, препятствием к достижению результатов, ожидаемых правительством» [4, л. 5 об.]. Таким образом, представитель имперского центра связывал неблагоприятное состояние учебных заведений с польским происхождением чиновника, хотя в недавнем прошлом оно не становилось преградой к признанию его достижений. Документы поясняли, что такое решение является реализацией утверждённого императором упомянутого доклада С.С. Уварова. Интересно, что сам О. Бокщанин не противился этому решению. 19 июля 1839 г. он обратился с частным письмом к министру. Он писал, что подвергался «за верноподданную преданность августейшему монарху разного рода преследованиям от неблагомыслящих, угрожающих лишением жизни и чести», а потому рад оставить занимаемую должность [4, л. 7 об.].

Чиновник просил только, чтобы ему в случае перевода или увольнения на пенсию было сохранено прежнее жалование. С.С. Уваров, в сообщении императору также подчёркивал благонамеренность О. Бокщанина и просил удовлетворить его просьбу о пенсии в размере 800 руб. сер. Николай I ответил согласием.

Итак, дело об увольнении О. Бокщанина является примером того, как власти исполняли высочайше утверждённый доклад С.С. Уварова. Они признавали преданность О. Бокщанина престолу, указывая в то же время, что именно польское происхождение чиновника стало причиной вверенных ему учебных заведений.

Учителя Винницкой гимназии Ф. Жирардота обвинили в написании «Нравственного катехизиса», обнаруженного у Ф. Грабовского, члена «Союза польского народа», учителя той же гимназии. Ф. Жирардот пытался доказать, что он не был автором этого сочинения. Однако группа секретарей, переводчиков и учителей каллиграфии, приглашённая в Киевскую секретную следственную комиссию, единогласно пришла к выводу, что почерк, которым написан «Катехизис», «с почерком подписей на

тетрадах, сделанных в присутствии комиссии Жирардотом, имеет сходство, несмотря на то, что «Катехизис» написан с большим тщанием» [5, л. 2]. Сомнения Д.Г. Бибикова в благонадёжности педагога усиливались ещё и тем, что в 1831 г. Ф. Жирардоту был сделан строгий выговор: он знал о существовании тайного общества среди учеников Винницкой гимназии, но не донес об этом начальству. Кроме того, в пансионе, содержащемся его женой, обучались Р. Зелинская и Э. Михальская – участницы тайного Женского общества в Юго-Западных губерниях. Девушки «при допросах и разговорах не хотели даже скрывать либерального образа мыслей, ненависти к русским и особенной привязанности к воспоминаниям о прежней самобытности польской республики» [5, л. 2об.]. Это порождало подозрения в неблагонадёжности жены Ф. Жирардота и пагубном влиянии на неё мужа. С.С. Уваров пришел к выводу о необходимости закрытия женского пансиона и отстранения супругов от педагогической деятельности. Через три года Ф. Жирардот обратился с прошением к министру. Он стремился доказать свою невиновность и просил вновь принять его на службу по учебному ведомству. В случае отказа он испрашивал разрешения оставить русское подданство и возвратиться с семьёй во Францию (Жирардот был французом, но принял русское подданство ещё в первой четверти XIX в. и с тех пор «имел постоянное жительство» в Подольской губернии). С.С. Уваров затребовал отзыва Д.Г. Бибикова. Генерал-губернатор признал невозможным вновь допустить Жирардота и его жену к обучению детей [5, л. 21]. Просьба о выезде во Францию также не была удовлетворена.

Директор училищ Киевской губернии И.И. Милашевич был уволен по представлению попечителя Киевского учебного округа в марте 1839 г. «по своему слабому и пристрастному управлению вверенной ему гимназией» [3, л. 1]. На его место был назначен проректор Киевского университета С.О. Богородский. Милашевич неоднократно обращался с письмами к министру, пытаясь доказать свою преданность службе, и просил провести расследование, которое бы удостоверило, что он ни в чём не виноват. Однако С.С. Уваров отвечал, что он уволен «не за проступки, кои требовали бы исследования, но по неспособности к должности директора», а потому, учитывая решение Комитета Министров от 27 ноября и 11 декабря 1834 г., руководству не обязательно объяснять конкретные причины его отстранения» [3, л. 51]. Конфессиональных мотивов это увольнение не имело:

46 И.И. Милашевич, хотя и был уроженцем Киевской губернии, но происходил из семьи православного священника.

Однако уволили далеко не всех местных уроженцев. Из 49 профессоров, преподавателей и чиновников, служивших в университете после возобновления его работы, 21 были уроженцами Западных губерний, 1 – Царства Польского. Католиками являлись 14 человек, из них двое были иностранцами подданными (один из них преподавал итальянский язык, другой – танцы). Многие уроженцы западных губерний занимали незначительные хозяйственные и канцелярские должности: библиотекарь университета, секретарь при библиотеке, помощник библиотекаря, кассир и бухгалтер университета, врач. Однако были среди них и более важные чиновники: секретарь совета и секретарь правления университета [6, л. 145–155]. Непосредственно общаться со студентами могли несколько преподавателей из местных уроженцев, оставшихся на своих местах. Прямое воздействие на «умы молодёжи» мог оказывать профессор богословия католического исповедания каноник И.П. Головинский, к тому же выпускник духовной семинарии при Виленском университете, к которому власть относилась с большой подозрительностью. Российскую историю преподавал уроженец одной из западных губерний В.Ф. Домбровский; его лекции слушали студенты I отделения философского и юридического факультетов [6, л. 18]. Преподавателем физики был В.П. Чехович, родом из Волынской губернии. Оба эти преподавателя были православными. Уроженцами Волынской губернии и католиками были Е.К. Ольшанский – учитель верховой езды, и А. Ф. Шмит де Берг – учитель танцев [6, л. 151 об. – 152]. Выходцы из западных губерний католического исповедания входили в состав управления Киевского учебного округа: в 1840 г. из 10 чиновников четверо были местными уроженцами-католиками, в том числе чиновник для особых поручений при попечителе, два столоначальника и член совета попечителя по управлению фондами и имениями [7, л. 79–81]. Продолжили службу некоторые преподавате-

ли и чиновники, католики из западных губерний, в гимназиях и училищах округа. Так, уроженцы Юго-Западного края И.Е. Гаевский и И.И. Сорочинский при Благородном пансионе первой Киевской гимназии занимали должности надзирателей, в обязанности которых входил надзор за образом мыслей учащихся, их поведением вне учебного заведения [7, л. 111 об. – 112]. Вместе с тем, значительную часть персонала училищ составляли выходцы из других регионов империи. Среди них было немало выходцев из Остзейских губерний, а также иностранцев. Привлечение их на службу в этом крае было во многом вынужденной мерой, обусловленной невозможностью обеспечить местные учебные заведения выходцами из внутренних губерний. Кроме того, император рассматривал остзейцев как вполне благонадежных подданных, способных деятельно осуществлять на местах принятый им политический курс в народном просвещении на территории Юго-Западного края.

Таким образом, видно, что кадровая политика в учебном ведомстве Юго-Западного края не была последовательной. Не было выработано единого подхода к тому, как определять неблагонадёжность преподавателей. Полного и немедленного удаления уроженцев западных губерний не произошло, хотя процесс замены преподавателей из местных уроженцев, безусловно, шёл. Руководящие посты в учебных заведениях были переданы выходцам из Великороссии. Вместе с тем, в ряде случаев уволить могли и чиновников Киевского учебного округа, которых сами власти признавали благонадёжными. Однако обеспечить учебные заведения Юго-Западного края русскими педагогами и чиновниками оказалось просто невозможным. Руководству округа пришлось оставить на своих местах многих педагогов и служащих округа, поручить некоторые важные должности выходцам из Остзейских губерний и даже иностранцам. Всё это создавало известные трудности в использовании народного просвещения как средства формирования общеимперского сознания у молодёжи Юго-Западного края.

Список литературы:

1. О некоторых распоряжениях по университету Святого Владимира и по учебным заведениям Киевского учебного округа // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. – 1875, № 692. – Стб. 1496–1503.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 69. Д. 445.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 470.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 474.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 479.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 800.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 802.